

**Сергей
СКОРЫЙ**

ОККУПАЦИЯ

Рассказы моей матери

Маме почти 90, смотрит на мир просветлённо и как-то по-детски. Часто забывает мелочи повседневности, но, на удивление, помнит массу подробностей из далёкого детства. А оно у мамы в немалой степени связано с войной и немецкой оккупацией Крыма на протяжении двух с половиной лет — с осени 1941 по апрель 1944 года.

Итак, тринадцатипятинадцатилетняя девочка Женя была невольным свидетелем всех этих событий...

МЫ ВОЗЬМЁМ МОСКВУ, И Я ЖЕНЮСЬ НА ДЕВУШКЕ ТАНЕ!

Немцы вошли (а точнее — въехали) в небольшой крымский городок часов в 10 утра 2-го ноября 1941 года. Двигались они со стороны Симферополя по центральной улице. Вначале, грохоча и выбрасывая струи дыма, промчались мотоциклисты в причудливых шлемах и с выставленными вперёд пулемётами. За ними мягко, покачиваясь на рессорах, прокатила красивая легковая машина с офицерами, у одного из которых на переносице поблёскивал монокль. Завершила эту кавалькаду пара больших крытых, натружено гудящих тупорылых грузовиков с гогочущими солдатами.

Жене и её сверстникам родители строго-настрога наказали не попадаться на глаза немцам, но разве удержать любопытных под-

ростков! Вот и высматривали они из-за заборов диковинных пришельцев.

...К вечеру городок запестрел развешанными на столбах и стенах некоторых домов приказами о необходимости сообщать новым властям о коммунистах, евреях и цыганах. За их укрывательство грозил расстрел. В городке ввели комендантский час. С семи вечера до семи утра появляться на улицах запрещалось. За нарушение — расстрел. Вообще слово «расстрел» стало наиболее расхожим в языке оккупантов и местных жителей.

...Немцы устраивались на постой. Разводил их по подворьям староста Аг-ев, назначенный оккупантами. Жильцами Жениного дома, длинного невысокого татарского строения, стали два оберлейтенанта и два унтер-офицера. Было им лет по 27–28, светловолосые, крепкие, с наградами — по два железных креста. Один из них при знакомстве, ткнув себя в грудь пальцем, произнёс: «Ich bin Nikolas!»* — И жестом показал на остальных: — Das ist meine militärische Freunden!**».

Жене немецкий легко давался в школе, поэтому она всё поняла без труда. Позже стали известны имена и других постояльцев: Курт, Отто, Вильгельм.

...Немцы с утра старательно делали физическую зарядку, шли на завтрак в один из домов поблизости, где располагалась полевая кухня, и затем исчезали до вечера, взяв оружие и надев на спины большущие рюкзаки. Иногда их не видели по несколько дней.

...Женю заинтересовала форма постояльцев. Во многом она была иной, чем у немцев, квартировавших в домах поблизости или встречавшихся на улицах городка. Те ходили в одежде серо-зелёного цвета, в пилотках или фуражках с орлами, в сапогах с короткими голенищами. Танкисты носили чёрную форму, а строгий худощавый немец, живший напротив Жениного дома, щеголял в чёрном мундире, но почему-то с одним погоном и в фуражке со зловещим черепом и костями на околыше.

На квартировавших немцах были короткие куртки, брюки, заправленные в высокие кожаные ботинки на толстой рифленой подошве. Головными уборами служили фуражки с длинными козырьками и отворачивающимися «ушами», которые спереди застёгивались на пуговицы. Сбоку на фуражках, — немцы называли их кеги, — красовались эмблемы в виде какого-то цветка.

Однажды их жилец Курт, оберлейтенант, заметив любопытный взгляд Жени, направленный на цветок, усмехнулся:

— Das ist Edelweiss!***

* Я — Николас!

** Это мои боевые друзья!

*** Это — Эдельвейс!

Отец Жени, как только в доме поселились немцы, запретил говорить о них что-либо в их присутствии, тем более о Красной Армии или партизанах, появившихся в расположенных поблизости от городка лесах, заметив при этом:

— А вдруг они понимают русский?!

Однако Женя и её мама нет-нет, да и поругивали немцев, хотя те, в общем, не давали для этого особых поводов.

...Как выяснилось позже, отец, как в воду глядел: двое из постоянцев не просто понимали русский язык, но и могли говорить на нём. Выяснилось это совершенно случайно.

В хозяйстве семьи теперь остались только две козочки Лидка и Динка, которых Женя обычно пасла неподалёку от дома. Так было и в тот вечер: Николас, возвращаясь на квартиру, встретился с Женей в тот момент, когда Лидка вдруг сорвалась с поводка и побежала прочь от девочки. Немец быстро догнал козочку, схватил её за обрывок верёвки.

— Лидка, уходи от него, он — немец! — непонятно почему закричала Женя.

— А мы её сейчас резать будем! — на чистейшем русском языке и, как показалось Жене, довольно весело ответил Николас.

Женя обомлела. Она вспомнила, сколько нелицеприятных вещей говорили они с мамой о немцах в их присутствии.

— Мой папа долго был сотрудником немецкого посольства в Москве, а я учился в русской школе! — проговорил Николас. — Там осталась моя любовь! Мы возьмём Москву — и я женюсь на девушке Тане! А прибыли мы к вам из Италии. Вот так-то, Женя!

Немцы квартировали у них почти два месяца.

Как-то вечером, перед отъездом немцев, обер-лейтенант Курт, когда вся семья Жени была в сборе, обратившись к маме, вдруг задумчиво сказал по-русски:

— У вас хорошие альпинисты! Я соревновался со многими из них до войны, на Кавказе...

Спустя годы, уже после войны, однажды Женя вспомнила вдруг слова, сказанные немцем Куртом. Это произошло тогда, когда она услышала песню Владимира Высоцкого о немецких горных стрелках, воевавших в горах Кавказа:

А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою.
Он падал вниз, но был спасён,
А вот теперь, быть может, он
Свой автомат готовит к бою...

Она сразу поняла тот важный смысл, который заложил любимый ею поэт и бард: оказывается, в те далёкие военные годы в ее доме на постое были немцы из горнострелковых дивизий, действовавших в горах и лесах Крыма, которые создали немало проблем крымскому партизанскому движению уже с ноября 1941 года...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Танкисты гауптман Пауль и обер-лейтенант Фриц квартировали в доме Жени ранней весной 1942 года.

При знакомстве с семьёй Пауль гордо объявил, что он и его друг — «истребители русских танков», подтвердив при этом свои слова жестом руки, нажимающей на курок, и возгласом «Schiessen Russische Panzer!»*

Откуда было знать Жене, что рядом с нею танкисты 22-й танковой дивизии 11-й армии вермахта, которые явились сюда, чтобы сыграть отнюдь не последнюю роль в будущем сражении на Керченском полуострове, в разгроме Крымского фронта в первой половине мая 1942 года в ходе операции «Охоты на дроф», как величали её немцы...

Танкисты иногда возвращались в дом в комбинезонах, и тогда от них шел тяжелый запах бензина и машинного масла. Вблизи речки Чурук-Су, на берегу которой стоял Женин дом, располагался парк немецкой техники. Когда танки прогревали моторы, во всей округе стоял страшный рев, а потом они грохотали своими тяжёлыми гусеницами по улочкам городка в сторону Феодосии.

Через некоторое время обер-лейтенант Фриц исчез...

— Kranke!** — хмуро сказал Пауль, хотя Женья подумала, что Фриц не просто заболел, а скорее всего его ранили. Ведь в последнее время с территории, расположенной к востоку от городка, часто доносился гул канонады.

... В городе стало голодно. В семье, где помимо Жени, были ещё трое душ, в том числе десятилетний брат Витя, отсутствие еды стало ощущаться в полной мере.

Как-то в дом вошёл денщик Пауля с котелком в руках и поставил его на стол:

— Essen!***

Позже в сторону полевой кухни прошел гауптман Пауль. И так было на протяжении всего времени, пока немец квартировал у них в доме...

* Стрелять русский танк!

** Больной!

*** Кушать!

...Однако голод ощущался не только в городке, а в ещё большей степени в близлежащих лесах, где базировались партизанские отряды, в том числе и комсомольско-молодежный, в котором воевал двоюродный брат Жени семнадцатилетний Костя. Партизаны иногда совершали нападения на немецкие коммуникации, истребляя живую силу и технику оккупантов, изредка пополняли в ходе этих операций продовольственные запасы, но еды, конечно, было мало.

По этой причине люди из лесу приходили в город и близлежащие сёла в поисках хоть чего-нибудь из съестного. Нередко в их числе был и Костя, который заходил в дом Жени. И хотя у них с едой было совсем негусто, отказать родственнику они, понятное дело, не могли.

Вот и в этот поздний вечер послышалось тихое царапанье в оконное стекло, и, когда отец Жени приподнял одеяло, которым оно было завешено (закрывать окна — таков был приказ немцев, поскольку над городом иногда появлялись наши самолёты и начинали бомбить его), он увидел смутно белеющее лицо Кости.

— Немцы есть?

— Нет! Заходи быстрее!

Постояльца Пауля не было. Он ушёл играть в карты к офицерам, квартировавшим по соседству.

Костя стоял посреди комнаты с автоматом наперевес, широко раскрыв вещевой мешок, для которого мать Жени собирала нехитрую снедь, а брат Витя с интересом смотрел на пришельца из леса, особенно на его ППП.

В дверь громко постучали.

— Пауль! — побелевшими губами прошептал отец.

Костя заметался по комнате.

— Прячься за одеяло, в проём окна!

Пауль был слегка навеселе, явно в благодушном состоянии. Он положил на стол несколько шоколадных конфет и потрел по голове Витю:

— Kinder, essen!*

Вдруг в этот момент одеяло с шумом свалилось на пол, и Костя в согнутом в три погибели положении с вещмешком и автоматом предстал перед изумлённым немцем.

И тот и другой пристально посмотрели друг на друга.

Партизан Костя, по сути ещё мальчик, с исхудавшим измученным лицом, судорожно вцепился пальцем в спусковой крючок автомата. И дородный, вдвое старше, немецкий танкист, тоже схватился за пояс, на котором висела кобура с тяжелым «Вальтером».

* Ребёнок, кушать!

Впрочем, в соседней комнате, где жил Пауль, под подушкой также лежал ещё автомат системы Шмайссера. Но это — в соседней комнате...

Каждый, видимо, в эти мгновения решал что делать.

«Немца убью, но вырваться из города не удастся!» — подумал Костя.

«Опущу руку к «Вальтеру», а этот сумасшедший русский нажмёт на курок!..» — размышлял Пауль.

Секунды казались вечностью.

И вдруг немец, отойдя в сторону, устало махнул рукой, показывая на дверь:

— Weg!*

Семья сбилась в стайку.

Костя скрылся за дверью.

Пауль сел и вытер со лба пот:

— Wer diesser war.**

Женя, путая русские и немецкие слова, сказала, что этот человек пришёл в дом попросить хлеба.

Немец криво усмехнулся и произнёс что-то типа «У вас все ходят просить хлеб с автоматом?».

Потом он исчез.

Отец приказал матери забрать детей и укрыться у соседей. Все отчётливо понимали: за связь с партизанами грозит расстрел.

Пауль появился утром, один, сделав вид, что ничего не было.

Однако вечером, когда вся семья была уже в сборе, зашёл к ним в комнату и сказал Жене, чтобы она перевела:

— Сегодня я буду спать здесь! Если придут люди за хлебом с автоматами — тут он, как показалось Жене, слегка подмигнул ей, — скажете, что я ваш больной родственник Иван!

Немец действительно переночевал в их комнате одну ночь. Повидимому, визит лесного гостя перепугал его не на шутку. Тем не менее, гауптман не донёс на семью в комендатуру, хотя сделать это ему, конечно, не составляло труда.

В начале мая танковое подразделение, в котором воевал Пауль, покинуло их городок.

МОЙ ДЕД ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Отца Жени, Василия Ивановича, в своё время в армию не взяли, так как будучи ещё мальчишкой лет семи от роду, он ездил со старшими братьями в лес по дрова, и однажды поздней осенью сильно, до

* Прочь!

** Кто это был?

нитки промок, и получил сильнейший ревматизм. Его ноги время от времени опухали и до такой степени болели, что едва ходил. Какая уж тут армия! По этой причине, когда началась война, на фронт он не попал. Хотя изначально здоровьем и природной силой Василий Иванович был наделен немалой. Мама Жени, Александра Константиновна, Шура, как её звали соседи, любила вспоминать, как, будучи её ухажером, он, чтобы произвести неизгладимое впечатление на свою зазную, на глазах гуляющей молодежи залез под пасущегося жеребца — и поднял его на плечах! Но это было в молодости.

С началом оккупации сотрудничать с немцами, как это делали некоторые жители города, отец Жени не стал. И хотя главным для него, как, впрочем, и для многих других, было сохранить в это нелегкое время семью, на сговор с совестью он не пошел. Из живности на подворье остались только две молодых козы. Выживали в основном за счет того, что выращивали в огороде и запасали потом на зиму. С хлебом были большие проблемы.

Вот и пришла в голову Жениному отцу мысль заняться извозом, благо, с лошадьми он имел дело с раннего детства. Ну и вообще — война войной, а людям все равно нужно что-то порой перевозить или куда-то ехать. И оплатой, глядишь, будут какие-то продукты! Была, правда, в этом деле одна загвоздка: бречка у Василия Ивановича имелась, а вот тягловой силы — лошадей — как раз и не было. Но однажды сосед Алим, крымский татарин, прослышав о мечте Василия Ивановича, предложил ему, оглядываясь по сторонам:

— Слышь, Васька,— и тут он перешёл на шёпот, — говорят, что партизаны на днях разбили в лесу немецкий гужевой обоз, это километров за десять от нас. И будто кони там теперь бродят бесхозные...

Отец Жени собрал в котомку кое-что из еды, сказал матери, чтобы не волновались, и ушёл на отлов бесхозных лошадок.

Трое суток не появлялся Василий Иванович. А на четвёртые с утра постучался к ним в дом сосед Алим:

— Шурка! — позвал он Женину маму. — Там твоего Ваську со связанными руками в комендатуру повели...

Мать запрочитала и кинулась из дома.

Возле здания комендатуры с повязками на руках стояла группа полицейских. Поодаль от них — немецкий офицер. Напротив комендатуры виселись виселица, на которой еще недавно висели несколько партизан и подпольщиков.

— Петро! — крикнула Шура одному из знакомых горожан, работавшему в полиции. — Ты моего Василя здесь не видел?

— Чего ж не видел? Видел! Поймали твоего партизана бородатого, когда из лесу выходил. Всех их скоро переловим! Под замком до утра посидит, а там немцам решать, что с ним делать!

— Ja! Ja! — кивнул немец. — Partizanen — kaputt!

Александра Константиновна поплелась домой на подгибающихся ногах.

Вечером с узелком еды Женя пришла к комендатуре.

— Дяденька, передайте отцу поесть! — попросила она стоящего с винтовкой полицая.

— Зачем ему еда! Его завтра вешать будут! Он уже знает об этом! Иди прочь, глупая девчонка!

Василий Иванович незадолго до похода в лес маялся больными ногами, лежал, не брился — отпустил небольшую бороду. За время скитания по лесу в поисках лошадей, борода отросла ещё более. И когда, заросший, он вышел из лесу в старом ватнике, с котомкой за плечами, сидевшие в засаде у опушки полицайи, конечно, приняли его за партизана, радостно скрутили руки, надеясь на «заслуженное» поощрение со стороны немцев. Внешний вид Жениного отца полностью совпадал с представлениями оккупантов о том, как выглядят партизаны. Вот только у «партизана» этого почему-то не было с собой оружия.

Рано утром Женина мама отправилась просить соседа Алима, чтобы тот подтвердил в комендатуре, что он-де знает хорошо её мужа, что Василий — никакой не партизан!

Поразмыслив, сосед согласился:

— Ладно, Шурка, Аллаху угодное дело сделаю!

Из здания комендатуры в щеголеватых сапогах и заломленной шапке-кубанке вышел навстречу Алиму староста Аг-ев.

Энергично жестикулируя руками, Алим и заплаканная Женина мама, которую била нервная дрожь, принялись уговаривать старосту отпустить Василия.

— Ладно! Ждите! — махнул рукой староста и скрылся за дверями здания.

Вскоре вышел Аг-ев, из-за спины которого, прихрамывая, показался Василий. С виноватым лицом.

— Благодарю Бога, соседа и меня! — небрежно бросил староста. — Не хрен по лесам шляться, следующий раз — точно повесим!

Мать Жени ахнула:

— Вася, что у тебя с головой?

— А? Что? Где? — не понимая, схватился тот за голову.

— Да она ж у тебя наполовину белая! — и Александра горько заплакала.

Вот так Женин отец, мой будущий дед Василий Иванович, в одну ночь поседел в ожидании смертной казни...

ОТПУСТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КОНФЕТЫ ЭТОЙ ФРАУ!

Начало апреля 1944 года. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как немцы в Женином доме не квартируют. Потому, может, что находится он в полукилометре от леса, а партизанские налёты что ни день — сильнее. По ночам часто слышны выстрелы, автоматные и пулемётные очереди, иногда разрывы гранат. Судя по дальней оружейной канонаде, долетавшей до города с севера и востока, фронт стремительно приближается к Крымскому полуострову.

Как-то вечером вблизи их дома, прогудев, остановилась большая крытая машина. Из кабины вышел немецкий офицер, рука на перевязи, что-то приказал солдатам, и те стали под руки вводить в дом раненых и вносить стонущих на носилках

Немцы заняли две комнаты. Было их человек пятнадцать. Судя по чёрной форме — танкисты. Женя видела: раненые лежали не только на кроватях, но и на полу, на расстеленных шинелях, покатом. Суетился пожилой доктор, офицер делал перевязки, ему помогали два санитары. Врач приказал матери растопить печь и кипятить воду...

Раненые немцы пробыли в их доме совсем недолго.

Буквально за день до их отъезда, тяжело хромя на правую ногу, во двор вышел один из танкистов. Было ему лет двадцать пять, темноволосый с лицом, заросшим щетиной. Увидев Женю, он произнёс:

— Wasser, wasser!* — и показал жестом, что хочет пить.

Женя принесла ему большую кружку холодной воды из колодца.

Немец пил большими глотками:

— Danke! Was rufen kleine Frau?**

Женя назвала своё имя.

— Ich bin Paul!*** — и танкист проковылял обратно в дом.

Летом 1958 года Евгения и её муж Анатолий, партийный работник среднего звена, отдыхали в Мисхоре, вблизи Ялты, в санатории «Днепр». Это было время, когда магазинные полки отнюдь не ломились от продуктов, некоторые из которых, в частности шоколадные конфеты, были мечтой многих и считались большим дефицитом. Но однажды горничная, что убирала их номер, «по секрету» сообщила Евгении, что в буфете соседнего санатория, который обслуживает исключительно иностранцев, появились шоколадные конфеты. Сейчас там живет группа немцев из ГДР.

— Толя, пойдем, купим конфет! — позвала она мужа.

* Вода, вода!

** Как зовут маленькую женщину?

*** Я — Пауль!

Помимо пары иностранцев, моложавой дамы с модной причёской и её слегка седовласого спутника, опирающегося на палку, в буфете никого не было.

— Взвесьте мне, пожалуйста, полкило конфет «Кара-кум»! — обратилась Евгения к упитанной буфетчице и принялась искать в сумочке кошелёк с деньгами.

— Женщина! Вы, что не знаете? Здесь обслуживаются только иностранцы! Вы же к ним явно не относитесь! — лицо буфетчицы приняло слегка пренебрежительное выражение.

Краска залила лицо Евгении.

Вдруг немец, услышавший их разговор, прихрамывая, подошёл к стойке:

— Отпустите, пожалуйста, конфеты этой фрау! — произнёс он с лёгким акцентом.

Евгения получила, наконец, кулёк, руки у неё дрожали, потому несколько конфет упали на пол.

Мужчина, опираясь на палку, наклонился, затем протянул ей поднятые с пола конфеты.

— Спасибо! — тихо промолвила Евгения.

Захрамов, немец развернулся и не спеша вышел вместе со своей спутницей.

— Пауль! — вдруг крикнула Евгения.

Мужчина стремительно обернулся.

— Пауль! — Женя была уже рядом с ним. — Помните: война, 1944 год, маленький крымский городок. Вы — ранены, я вас ещё водой поила!

Немец молча пристально долго глядел на неё.

«Неужто, он не узнаёт меня?» — думала Женя.

— *Wer dieser, Paul? Wer dieser?** — спрашивала своего спутника немка.

— Женя, кто этот немец? Кто он? — с лёгким удивлением посмотрел на жену Анатолий.

Но ответа ни с той, ни с другой стороны не последовало.

Киев

* Кто это, Пауль? Кто это?